

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

**Сборник материалов XV Всероссийской
(с международным участием)
научной конференции студентов, магистрантов,
аспирантов и молодых ученых
(Томск, 29–30 апреля 2019 г.)**

Выпуск 15

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2019

5. Митин В.В. Особенности политической борьбы в Монгольской империи в XIII в // *Метаморфозы истории*. 2017. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-politicheskoy-borby-v-mongolskoy-imperii-v-xiii-v> (дата обращения: 11.05.2019).

6. Скрынникова Т.Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана СПб.: Евразия, 2013. 377 с.

7. Шастина Н.П. Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание»). М.: Наука. 1973. 440 с.

8. Сокровенное сказание монголов / пер. С.А. Козина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.

9. Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения // *Социология власти*. 2003. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskaya-pamyat-i-osnovnye-tendentsii-ee-izucheniya> (дата обращения: 11.05.2019).

Д.А. Хворова

«ЗАПИСКИ» ИБН-ФАДЛАНА В СВЕТЕ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Науч. рук. – д-р ист. наук, профессор Е.Е. Дугчак

В статье рассматриваются научные дискуссии о степени достоверности «Записок» Ибн-Фадлана, проходившие в российской науке в конце XIX – первой половины XX вв. На основе анализа аргументов дореволюционных и советских историков выделяется круг вопросов, не утративших актуальности по сей день. Для верификации информации источника автором предлагается привлечение археологических данных, полученных исследователями при изучении комплекса эпохи викингов «Гнёздово». Результатом является авторский опыт реконструкции внешнего облика «ладунки», упоминаемой в сочинении арабского дипломата и путешественника.

Ключевые слова: Ибн-Фадлан, русы, археологический комплекс «Гнёздово».

Особый интерес для современной науки представляет путевой отчёт секретаря посольства аббасидского халифата Ахмада Ибн-Фадлана, посетившего в 921–922 гг. Волжскую Булгарию. Во время путешествия он встретил группу купцов-русов и стал свидетелем погребения одного из них. В своём отчёте он дал подробное описание их внешнего облика, верований, образа жизни и погребальной обрядности. Его «Записки» или «Рисале» – один из немногих источников, который содержит важные сведения по этому периоду и, в частности, истории догосударственный Руси [1].

Вместе с тем противоречивость и неоднозначность самого текста Ибн-Фадлана привели к тому, что в исторической науке сложились диаметрально противоположные точки зрения. Основой для их формирования стал «Географический словарь» арабского писателя и компилятора XIII века Якута, где впервые сообщалось об Ибн-Фадлане и его путешествии.

Одним из первых к тексту Якута обратился русский востоковед-арабист В.Р. Розен в докладе «Пролегомена к новому изданию Ибн-Фадлана» (1902 г.) [2]. Он считал необоснованными некоторые его выводы, аргументируя это временным разрывом между посещением Древнего Хорезма Ибн-Фадланом и Якутом. Сделав это на три столетия позже, Якут заявлял об имеющихся у Ибн-Фадлана неточностях или же прямо обвинял его во лжи. Наиболее красноречиво В.Р. Розен показывал это на примере следующего отрывка: «И замерзла река Джайхун (Аму-Дарья) от начала до конца ея». Эти сведения были интерпретированы Якутом так, будто бы река замерзла на всю глубину, но исследователь объяснил, что этого не может быть, и Ибн-Фадлан имел в виду лишь поверхность реки Джайхун. Вместе с тем и после выхода работы В.Р. Розена, многие фрагменты текста Якута по-прежнему оставались непонятыми. Решить эту проблему не представлялось возможным, поскольку в конце XIX в. исследователи не располагали необходимым корпусом источников. В частности, только в 1899 г. на археологическом съезде в Киеве исследователями был поднят вопрос об издании в оригиналах и переводах сочинений арабских писателей, имеющих отношение к истории славян.

Резкой критике сведений Ибн-Фадлана в своё время подверг археолог А.А. Спицын в статье «О степени достоверности Записки Ибн-Фадлана» (1899 г.). На тот момент оригинальный текст «Записок» был всё ещё неизвестен, и археолог делал свои выводы, основываясь на некоторых археологических данных и «Географическом словаре» Якута. Высокую степень доверия к тексту XIII века А.А. Спицын аргументировал тем, что его автор цитировал «Записки» Ибн-Фадлана дословно, тем самым снимая с себя ответственность за те сведения, которые не мог проверить. А.А. Спицын полагал, что Ибн-Фадлан вовсе не был на Волге и писал понаслышке, основываясь на устных преданиях или рассказах очевидцев, поэтому в его сочинении масса несообразностей, искажений, умолчаний, иными словами, в нём вообще «нет ничего, что не возбуждало бы сомнений» [3]. Однако такой подход к тексту вряд ли можно считать оправданным, поскольку исследователем не были учтены изменения, произошедшие к моменту написания Якутом «Географического словаря».

С критикой выводов А.А. Спицына выступил дореволюционный историк-востоковед В.Г. Тизенгаузен. В своей статье «В защиту Ибн-

Фадлана» (1900 г.) он назвал мнение А.А. Спицына некомпетентным. В ответ на его сомнения в существовании упоминаемой Ибн-Фадланом стране Вису, находившейся «будто бы» на расстоянии трёх месяцев пути от булгар, В.Г. Тизенгаузен не только указал на то, что об этом народе говорили и другие арабские авторы, но и привёл перечень исследований, подтверждающих эту информацию [4]. Например, им были упомянуты работы Х.Д. Френа [5] и Ф.Ф. Вестберга [6].

Оценивая спустя 40 лет итоги этой полемики, русский и советский арабист И.Ю. Крачковский в статье «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» (1939 г.) писал, что важным её результатом стал пересмотр отношения отечественных исследователей к труду Ибн-Фадлана [7. С. 17]. Безусловно, важнейшее значение для разрешения этого спора имела находка в 1923 г. в Иране так называемой Мешхедской рукописи, в составе которой был обнаружен более полный текст «Записок» Ибн-Фадлана. После получения в 1935 г. от правительства Ирана его фотокопии, востоковеды А.П. Ковалевский и И.Ю. Крачковский подготовили к 1938 году русский перевод, предисловие и комментарий, состоящий из 1237 примечаний [1]. После ареста коллеги А.П. Ковалевский продолжил исследование самостоятельно, и в 1950 году вышла его статья «О степени достоверности Ибн-Фадлана», в которой он очертил круг актуальных и по сей день вопросов [8]. В их числе – восстановление первоначального значения используемых Ибн-Фадланом терминов, поиск сходств и различий между его взглядами и представлениями народов Волжской Булгарии, визуализация описанных им вещей.

Продемонстрируем важность последнего на примере полемики исследователей о предметах, которые были задействованы в ритуале погребения. Согласно тексту Ибн-Фадлана вблизи сжигаемой с телом знатного руса ладьи были расставлены «божки» – «нечто вроде людей и больших из дерева» [1]. Этот факт вызывал недоумение у исследователей: «божки» должны были сгореть в процессе погребения, что противоречило бы верованиям русов-язычников. Однако А.П. Ковалевский заметил, что в тексте Ибн-Фадлана нигде не сказано, что эти фигуры ничто иное как идолы богов, и выдвинул предположение – они могли олицетворять врагов, убитых этим русом. В этом случае их «участие» в ритуале становится вполне логичным, ведь им и полагалось сгореть вместе с умершим, чтобы на том свете стать его рабами.

Объяснение этого и многих других сюжетов, отраженных в сочинении арабского дипломата, остается делом будущего. Вместе с тем открытия археологов последних десятилетий могут служить основой для ответа на некоторые вопросы, поставленные дореволюционными и советскими

исследователями «Записок» Ибн-Фадлана. В перспективе комплексное исследование текстов и археологических артефактов должно включать в себя следующие этапы: 1) изучение исторического контекста создания «Записок» и результатов критического анализа его разными поколениями историков; 2) сопоставление геоэтнических свидетельств Ибн-Фадлана с составленной современными исследователями этнической картой этого региона в древности; 3) определение процента скандинавских элементов в соотношении со славянскими внутри вещевого комплекса погребений; 4) соотнесение сведений Ибн-Фадлана с новейшими археологическими данными.

Проиллюстрировать возможности такого подхода можно на материалах раскопок археологического комплекса «Гнёздово», расположенного на пути из «варяг-в-греки» (современная Смоленская область). Этот комплекс был крупным торговым поселением викингов (русов), тесно взаимодействовавших в IX–X вв. с местным славянским населением. Археологические данные свидетельствуют о наличии в местных погребениях элементов как славянской, так и скандинавской культур, поэтому материалы современных исследований можно использовать для верификации текста арабского автора.

Рис. 1.
Хворова Диана. «Жена руса»

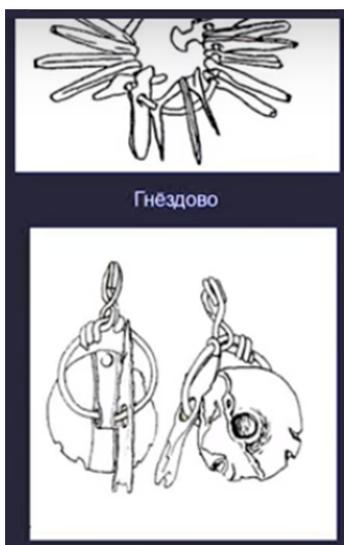

Рис. 2.
Скандинавские амулеты
из археологических комплексов
эпохи викингов

Например, они позволяют визуализировать один из предметов, описанный в «Записках» Ибн-Фадлана – так называемые «ладунки», которые жёны русов носили на груди. Первым вопрос о её внешнем виде поставил А.П. Ковалевский. Он отметил, что текст допускает различные варианты представления этого предмета – «кольцо», «коробочка» и «нож»: «А что касается каждой женщины из их числа, то на (каждой) груди ее прикреплена коробочка или из железа, или из серебра, или из меди, или из золота, или из дерева, в соответствии (с денежными) средствами ее мужа и с их количеством. У каждой коробочки — обод, у которого нож, также прикрепленный на груди» [8]. Соотнесение этой информации с недавними находками в археологическом комплексе «Гнёздово», позволяет сделать предположение, что он выглядел так.

Таким образом, «Записки» Ибн-Фадлана являются важным источником для реконструкции истории догосударственной Руси. Благодаря непредвзятым свидетельствам стороннего наблюдателя, современные исследователи имеют возможность проверить гипотезу П.А. Толочко о торговых операциях русов как факторе формирования государственности на территории Восточно-Европейской равнины [9]. В то же время «Записки» Ибн-Фадлана могут служить основой для популяризации научного знания, путём визуализации некоторых его сюжетов. Такой подход позволит донести компетентное научное знание до широкой аудитории и, возможно, вдохновить на дальнейшее исследование новое поколение.

Литература

1. Книга Ахмеда ибн-Фадлана, посла халифа аль-Муктадира к царю сакалиба // Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комм. А.П. Ковалевского; Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1939.
2. Розен В.Р. Ибн-Фадлан и его комментаторы // Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общества. 1902. Т. 15. С. 39–73.
3. Спицын А.А. О степени достоверности «Записки» Ибн Фадлана // Записки Русского археологического общества. 1899. Т. 11, вып. 1–2. С. 162.
4. Тизенгаузен В.Г. В защиту Ибн-Фадлана // Зап. Вост. отд. Русск. археолог. общества. 1900. Т. 13. С. 24–32.
5. Frahn C.M. Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte uber die Russen alterer Zeit. Frankfurt am Main : Inst. for the History of Arab. Islamic Science. 1994.
6. Вестберг Ф.Ф. Ибн-Фадлан Вису // Изв. Акад. наук. 1899. Т. 11, № 3. С. 221–223.
7. Крачковский И.Ю. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и ком. под ред. акад. И.Ю. Крачковский. М.; Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1939.
8. Ковалевский А.П. О степени достоверности Ибн-Фадлана // Исторические записки. 1953. Т. 35. С. 265–293.
9. Толочко А.П. Очерки начальной Руси. СПб., 2015.